

Алексей АРБУЗОВ:

«НЕ ТЕРЯЯ ОЩУЩЕНИЯ НЫНЕШНЕГО ДНЯ...»

Писателям-драматургам слишком много нужно сказать... давно не хватает большого, подробного разговора о нашей профессии: ведь по многим и многим свойствам эта профессия отличается от труда писателя-романиста, новелиста или поэта. Одно из главных свойств драматургического труда — тонкое и точное знание творческой природы артиста и режиссера. Но и этого мало. Драматург имеет дело с сегодняшним театром, с людьми, которые раскрывают личные свои радости, сомнения, утверждения и антипатии через образы, созданные в результате коллективного труда писателя, режиссера, художника спектакля, композитора, других актеров — своих партнеров по сцене.

Я люблю театр, в котором, переносясь мыслью и чувством в любые эпохи и в любые обстоятельства жизни, тем не менее никогда не теряю ощущения нынешнего дня, его проблем, его образа мысли...

Я люблю быть в дороге, но дома, в Москве, по вечерам я выхожу на Калининский проспект — людное, шумное место: здесь множество магазинов, ресторанов, кафе, большой кинотеатр, концертный зал — неоднородная толпа, проникнутые разными, часто противоречивыми заботами люди. Калининский проспект — великолепная питательная среда для наблюдений и дум писателя, особенно если писатель способен смешиваться с толпой не как какой-нибудь Гарун-аль-Рашид, но как равный среди равных, как современник, способный думать, чувствовать, действовать совершенно так же, как люди, окружающие его.

Я люблю спорт и часами готов просиживать на стадионе или у телевизора. И это не просто чувство «боделыщика» — тут другое: современный спорт — психология, стратегия, тактика тренеров и спортсменов. Спорт требует столь же

подробного, доброжелательного, самоотверженного общения людей в творческом коллективе, какое необходимо труппе хорошего, уважающего себя и зрителей театра.

Я люблю музыку и стараюсь не пропустить ни одного интересного концерта. Может быть, потому, что не только слушаю, но и слышу музыку, я отношусь с уважением к понятию «мелодрама» — к искусству, умеющему раскрывать глубокие, интимные, чистые эмоции человека. Ничто так не будоражит нашу фантазию, как музыка и живопись, которая дисциплинирует композиционное умение: контрасты света, соразмерность частей, полутона, точность цветовых характеристик — все это постигаешь, наслаждаясь полотнами великих живописцев.

Но больше всего на свете я люблю драматического актера. И ради него готов еще и еще раз вернуться к работе над пьесой, уже заверщенной, уже поставленной когда-то. Разные актеры — разные творческие требования. Но помочь максимально театру и актеру, интересной творческой индивидуальности — святая наша обязанность. Говоря о творческих требованиях того или иного театра или актера, я имею в виду особенности дарования, но вовсе не желание труппы и исполнителя интерпретировать «под себя» драматургическое произведение.

Вот, например, мои «Сказки старого Арбата» приняли к постановке и Московский драматический театр на Малой Бронной, и Ленинградский академический имени Пушкина. Хорошие театры. Хорошие прежде всего тем, что очень разные. Думаю, что в работе с ними и я должен быть немножко разным: каждый раз таким, каков театр. Мне по душе разные режиссерские трактовки моей пьесы, ибо нет ничего невыносимее самодовольного утверждения драматического «я» в обход творческого своеобразие театра. Уважение и любовь к театру, которому доверил свою пьесу, — одна из важнейших особенностей нашей профессии.

Кроме того, Время требует новой редакции пьесы. Перед опубликованием последнего издания моих пьес я внимательно пересмотрел и заново переработал многое из того, что написал в тридцатые, сороковые, пятидесятые годы.

Надо ли говорить о том, что каждая новая работа — трудные поиски не только характеров и событий, наиболее типичных для времени, но и формы,

которая была бы близкой восприятию современников. Эта сторона нашего дела не всегда, как мне кажется, правильно понимается критикой. Надеюсь, что большой и серьезный разговор на представительном собрании писателей-драматургов поможет разобраться в наших взаимоотношениях с критиками и рецензентами.

Я — за смелый, открытый разговор актера со зрителями. Что при этом имею в виду? Ну, скажем, полтора года назад я видел выпускные спектакли учеников мхатовской школы в постановке Е. Радомысленского, молодого режиссера-педагога. В них меня покорила прежде всего верность своему возрасту, его сегодняшним проблемам, хотя играли они старые пьесы, которые мы стеснимся классике драматургии.

Драматургический труд не может ограничиваться только наблюдением и осмыслением жизни и часами работы за письменным столом. Мы адресуем свои пьесы живым людям, и воплощают их на сцене живые люди, самостоятельные художники. Без знания сложнейших процессов их труда и зрительского восприятия нет драматурга.

Я надеюсь, что наш профессиональный разговор пойдет по этой главной магистрали: сегодняшний драматург — сегодняшний театр — современный зритель. Все проблемы мастерства сами по себе, без этого, смысла не имеют.

Над чем я сейчас работаю? Могу лишь ответить общо: над новой пьесой. Никакой тайны здесь нет, но и называть ее рано: несколько раз уже было так, что казалось мне — все завершено, но чуть отложу пьесу, вернусь к ней через неделю, другую — и вижу, что еще нельзя передавать ее театрам, еще рано, еще не созрел до конца образ, который представлялся в замысле. Тогда ухожу бродить по Москве, жить в ее повседневных заботах, встречаться с людьми, слушать музыку, с головой окунаться в горячие ритмы спортивной борьбы...

Форум драматургов, который организовал сейчас Союз писателей, застал меня, как, по-видимому, и большинство моих коллег, в пору активного творческого процесса, но не подведения, каких-либо итогов. Итоги подводит жизнь. Сейчас это особенно важно, ибо наш театр вместе со всей страной активно готовится достойно встретить XXIV партийный съезд.